

Научная статья

УДК 340.122

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-60-73>

ИДЕОЛОГИЯ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Руслан Мурадович Аллалыев^{1,2,3}

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

² Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
115054, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82

^{1,2,3} allalyev_rm@pfur.ru

Аннотация

В статье исследуется взаимосвязь между идеологией и правом. Автор анализирует идеологические установки, лежащие в основе идеи верховенства права, и факторы, способствующие их трансформации. На сегодняшний день «верховенство права» стало своего рода идеологемой, реальное наполнение которой всегда выступало совокупным результатом борьбы различных социальных сил. Данный многозначный и аморфный термин, располагаясь на «плоскости» между наукой и идеологией, чаще всего тяготеет к последней. Автор рассматривает развитие идеи верховенства права и приходит к выводу, что, несмотря на то, что данная идея до сих пор предстает в структуре свободного рынка, нормах западной повестки в области прав человека или конституционном порядке (которые обычно аналогичны американской модели), она может использоваться в рамках различных идеологий и интеллектуальных парадигм, с легкостью пересекая границы между политико-правовыми теориями. Автором выявлены основные функции верховенства права как идеологемы и рассмотрен ее двойственный характер.

Ключевые слова: верховенство права; правовое государство; идеал; идеология; идеологема; права человека; законность; естественное право.

Для цитирования: Аллалыев Р. М. Идеология и верховенство права // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 60–73. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-60-73>

Research Article

IDEOLOGY AND THE RULE OF LAW

Ruslan M. Allalyev^{1,2,3}

¹ Peoples' Friendship University of Russia, 6 Miklukho-Maklaia St., Moscow, 117198, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremiannyi Lane, Moscow, 115054, Russia

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadskii Ave., Moscow, 119571, Russia

^{1,2,3} allalyev_rm@pfur.ru

Abstract

The article explores the relationship between ideology and law. The author analyzes the ideological attitudes underlying the idea of the rule of law and the factors contributing to their transformation. Today, the “rule of law” has become a kind of ideologeme, the real content of which has always been the cumulative result of the struggle of various social forces. This ambiguous and amorphous term was located on the “plane” between science and ideology, most often gravitating towards the latter. The author examines the development of the idea of the rule of law and comes to the conclusion that despite the fact that this idea is still identified with the norms of the Western human rights agenda or the constitutional order, which are usually similar to the American model, practice shows that it can be used within various intellectual paradigms, easily crossing the boundaries between political and legal theories. The author has identified the main functions of the rule of law as an ideologeme and examined its dual nature.

Keywords: supremacy of law; rule of law; ideal; ideology; ideologeme; human rights; legality; natural law.

For citation: Allalyev R. M. Ideology and the Rule of Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 60–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-60-73>

Введение

Идеология во все времена отражала потребности людей в поиске смыслов общественного бытия, которые обусловлены их участием в разнообразных социальных практиках на основе действующих норм и ценностей. Содержание идеологических установок определяется извечной неспособностью человека и общества обладать точными знаниями об окружающем мире. Известно, что невероятно сложно научно доказать существование правового государства (либеральные политико-правовые концепции) или наступление коммунистического будущего (идеология марксизма-ленинизма). Поэтому вопрос, который всегда возникает в научных кругах при упоминании «верховенства права», заключается в том, обладает ли эта идея на самом деле какой-либо реальной научной ценностью или же она является всего лишь одним из средств политической риторики. Безусловно, верховенство права занимает видное место в современном юридическом, политическом и этическом дискурсе. Достаточно ознакомиться с современными журналами о финансах и международной политике, взглянуть на трактаты по правам человека, чтобы столкнуться с огромным потоком аргументов, сформулированных в терминах концепции верховенства права. К сожалению, чаще всего термин «верховенство права» используется на этих площадках как расплывчатый эвфемизм для объединения институтов, которые выражают чаяния и представления о себе современного англо-американского общества.

1. Формирование национальных идеологий и верховенство права

Национальные идеологии, как и нации, формируются вместе с приходом к власти буржуазии и становлением буржуазных государств. Однако они претерпевают серьезные метаморфозы по мере того, как изменялась социально-экономическая ситуация. Потребность в национальной идеологии (а можно сказать – социальной мифологии) вызвана прежде всего усилением кризисных процессов в экономике, социальных отношениях, политике, общественном сознании, когда прежние институализированные нормы и практики уже работают плохо, а предлагаемые альтернативы еще себя не проявили [1, с. 2–4]. Именно в такие моменты общество в максимальной степени подвержено влиянию тех лидеров и социальных групп, которые создают правдоподобные, но неverified теории устройства мира. Речь идет о тех ситуациях, когда прежние социальные мифы лишаются прежней «энергетики» и уступают место ритуалам. Как отмечает американский социолог Майкл Манн, в эти периоды возрождается влияние разного рода доктрин идеалистического характера [1, с. 2–4]. Примечательно, что одним из основных условий создания новых идеологий или социальных мифов является наличие реальной или мнимой угрозы. Именно угроза, по его мнению, формирует потребность в новом социальном мифе (поэтому угрозы часто создаются искусственно). По аналогии можно прийти к выводу, что в появлении мифа «о верховенстве права» изначально была заложена угроза узурпации власти и последующего произвола (еще основоположники научного коммунизма обратили внимание на попытки заменить научное понимание исторического процесса социальной мифологией с ее «богинями справедливости, свободы, равенства и братства»).

В 1989 г. американский политолог, старший научный сотрудник Центра по вопросам демократии, развития и верховенства права в Стэнфорде Ф. Фукуяма, анализируя падение фашистских и социалистических государств, утверждал, что это был «не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [2, с. 4]. Можно, видимо, согласиться с Ф. Фукуямой в части описания им якобы исторического, но все же временного триумфа Запада, однако объявлять «конец истории» было с его стороны весьма неосмотрительно. История всегда вбирает в себя старые идеологемы, но сквозь них постоянно произрастают новые, и в этот период критика старых идей становится терпимой [3, с. 138]. Однако ввиду того, что «социальный организм, подобно всякому другому организму, всегда реагирует против того, кто покушается на его жизненные условия» [4, с. 44], новые идеологии не без борьбы занимают ведущее место.

Тем не менее определенное рациональное зерно в позиции Ф. Фукуямы все-таки имеет место. «Конец истории» – это конец телеологического взгляда на социальный прогресс [5, с. 261], появление общества без идей «высшего порядка». В этом контексте профессор Пенсильванского университета Элейн Скарри справедливо заметила, что «западная религия и материализм намекают на то, что непрерывная работа цивилизации состоит не в делании чего-либо, а в «делании делания» (making making), «переделывании делания»...» [6, с. 9].

В близком ключе размышляет преподаватель Лондонского университета, культуролог и философ Марк Фишер, описывая характерную черту капиталистического реализма как «медленную отмену будущего». Складывающееся общее состояние общества таково, что «жизнь как бы продолжается, но время остановилось» [7, с. 13]. Регресс, деградация в обществе – это, конечно, не всегда возврат в каменный век, но это длительная пауза в реализации обществом своего потенциала.

Ныне будущее общества либеральными учеными (и близкими к ним идеологическими течениями) обычно сводится к «целям устойчивого развития». Остается одно направление движения – устойчивость, и все решения принимаются во имя обеспечения устойчивости систем. Подразумевается, что «устоять» должен именно тот общественный порядок, который уже доминирует в обществе, а «устоять» он должен под ударами враждебных ему (в том числе прогрессивных) инициатив.

Безусловно, идеи «отказа от будущего» со временем затронули и область гуманитарного знания, в том числе юридическую науку, в которой произошел откат от идеологии «прогресса» к так называемой идеологии «дизайна». Об этой тенденции применительно к нашей стране писал В. М. Сырых: «...российские правоведы исследованию фундаментальных проблем правоведения предпочитают анализ менее значимых для правовой науки и практики проблем. Так, в теории права чаще всего предметом исследований берутся проблемы источников права, законодательной техники, систематизации законодательства. В отраслевых юридических науках значительные силы... расходятся на подготовку разного рода комментариев к действующему законодательству. В то же время остаются вне поля зрения российских правоведов проблемы системы права и законодательства, соотношения экономики, политики и права в современном государстве...» [8].

Американские авторы нередко подменяли понятие «идеологическая деятельность» понятием «психологическое воздействие». Такая тенденция была связана с широким распространением концепций «деидеологизации». В сфере международных отношений этому переносу центра тяжести с идеологического на психологическое воздействие соответствовало стремление превратить идеологические войны в психологические [9, с. 5], или даже в когнитивные [10; 11]. Одновременно с этим возрождение милитаризма, ослабление социальной защиты населения и нетерпимость к альтернативным моральным ценностям стали угрожать тем либеральным идеалам, которые, якобы, по мнению Ф. Фукуямы, восторжествовали в мире [1, с. 594]. Эти факторы имеют прямое отношение к реализации идеи верховенства права.

Любая политическая или правовая культура располагает своими «ритуальными формулами» и «магическими заклинаниями», которые безоговорочно принимаются ее представителями. На Западе к такого рода «заклинаниям» относятся «верховенство права», «права человека», «свобода слова», «справедливость», «демократия» и др. [12, с. 64].

Подъем идеи верховенства права в 1945–1975 гг. во многом предопределила победа над фашизмом. После этого начался период интенсивного экономического роста послевоенного 30-летия, породивший средние слои (с политическими партиями), игнорировать которые властям было опасно. Но процветание позволяло откупаться от их требований как политических, так и экономических. К тому же холодная война заставляла правящие круги ведущих западных стран проводить политику относительного умиротворения определенных слоев, не без оглядки на Советский Союз. Отсюда и отклонение буржуазного политического строя от тех демократических принципов, которые отчасти имманентны ему по природе и преимущественно распространяются на верхи.

В 70-е гг. прошлого века институты верховенства права во многих странах вступают на полосу кризиса, а по сути – демонтажа при относительном сохранении верховенства права как идеологемы, за которой уже нет внятного содержания, или оно, в лучшем случае, минимально. Если в прошлые исторические эпохи к идее верховенства права относились как к безусловной ценности, то в начале XXI в. с утверждением «ценностного плюрализма» прежние дискуссии о верховенстве права потеряли былую остроту и значимость.

Тем не менее о кризисе верховенства права на Западе говорят довольно давно [13, с. 305–315; 14, с. 83–90; 15, с. 59–96; 16, с. 561–576; 17, с. 1017–1034; 18, с. 17–45], но следует заметить, что в работах ученых исследовалось не верховенство права вообще, а скорее то понимание, которое сложилось в североатлантическом ядре (США, Западная Европа) капиталистической системы в годы холодной войны.

Понятно, что конца идеологии быть не может – могут возникнуть лишь новые идеологические повороты. Возможно, следующий поворот совершится в обратном направлении, в сторону новых форм индивидуализма или коллективизма. К примеру, на сегодняшний день особое беспокойство вызывает верховенство права в рамках такой относительно новой идеологии, как космополитизм. Эта идеология ультимативной ассимиляции всех наций в одну, покорную мировому финансо-

вому капиталу, которая отрицает нации, национальные особенности, постулирует полное безразличие к локальной культуре и отрицает саму возможность особого психического склада людей, принадлежащих к той или иной нации. Разумеется, в процессе этого отрицания отрицаются права наций на что-либо вообще, так как оспаривается само право на их существование. Тем не менее космополитизм в полной мере не свободен от своих корней в национальной идеологии, отрицая все национальное, он все же имеет в своем ядре усредненную национальную культуру, на данный момент – англосаксонскую.

Тем не менее история не окончена, как не исчерпана и потребность в идеологии [1, с. 595]. Можно утверждать, что человек живет в одну из тех критических эпох, когда старые идеи теряют свою власть над массами, а новые еще не сформировались. Вероятнее всего, идея верховенства права также подвергнется участи идей «богоизбранности монарха». Но, прежде чем окончательно утратить власть над массами, она пройдет через множество трансформаций.

Идеологическая легитимация верховенства права. Легитимация, применительно к рассматриваемой проблематике, относится к набору убеждений относительно реальности верховенства права. На сегодняшний день идеология является своего рода элементом легитимации власть имущих. Она называет справедливыми те социальные условия, которые делают возможным такую эксплуатацию. Обычно это выражается через манипулирование социальным дискурсом, которое становится частью идеологических практик. В этой связи право становится прежде всего частью идеологических практик. Профессор К. Дузинас справедливо заметил, что «тезис о том, что закон свободен от ценностей, возможно, является самой сильной идеологической уловкой нашего времени» [19, с. 188].

Верховенство права – это своего рода идеологема, реальное наполнение которой всегда выступало совокупным результатом борьбы различных социальных сил. Данное многосмысленное и аморфное понятие располагается на «плоскости» между наукой и идеологией, чаще всего тяготея к последней. Как правило, оно применяется для условного обозначения круга формальных прав и свобод граждан. Наполнены ли они реальным содержанием и если да, то насколько – это вопрос, связанный не с верховенством права самим по себе, а с природой конкретной системы взаимодействия между людьми и результатами «сложения и вычитания» социальных интересов, которые допускаются социальной системой. Как отмечают С. Родин и Т. Перишин, «каждая правовая норма является продуктом определенного политического конфликта, в котором победила одна сторона. Таким образом, правовые нормы представляют собой результат распределения власти в политических битвах, которые создали эти нормы» [20, с. 7].

В научно-идеологических теориях понятие «верховенство права» используется в политическом, правовом и нравственном измерениях. К примеру, в либерально-демократическом обществе верховенство права было провозглашено одной из высших ценностей и, как следствие, мерой прогресса (отсюда формула «*Law & Development*» – исследования в области «*Law & Development*» традиционно ассоциировались с развивающимися странами). В соответствии с этой мерой Запад оценивает «приемлемость для себя» тех или иных обществ, их готовность копировать

ценности «цивилизованных» стран, признавая, в сущности, чуждые им правовые институты эталоном.

В этой связи одним из самых значимых недостатков идеи верховенства права является ее односторонний дискурс в сфере «должного», а не «сущего». Идея верховенства права в своей основе апеллирует к идее справедливости, поэтому важно иметь в виду, что «любое право можно определить как несправедливое, если принять во внимание то обстоятельство, что идеал, который оно хочет реализовать, не совпадает с высшей и абсолютной идеей справедливости» [21, с. 95], которая носит трансцендентальный характер. Иными словами, можно говорить об идее верховенства права как об идее справедливости, которая в полной мере никогда не будет достигнута, так как это выходит за рамки человеческих возможностей. Такая взятая на вооружение властвующими теоретическая позиция является очень удобным аргументом для оправдания несправедливости в реальной жизни.

Ввиду того, что верховенство права на практике обеспечивается через верховенство прав властвующего меньшинства, вся суть проблемы предстает не как кризис верховенства права вообще, а как такое его развитие, которое невыгодно этому меньшинству.

С одной стороны, идею верховенства права можно рассматривать как один из вариантов утопии. В этом смысле она может иметь созидательный эффект и вдохновлять массы на изменение существующего правопорядка, ставить под сомнение принципы организации властных структур и распределение полномочий между ними, при этом оставаясь красивой, но неосуществимой мечтой. При таком подходе можно смириться с тем, что общества живут в мире идеологических симулякров, которые в лучшем случае со временем приблизятся к реалиям, ведь «действительность никогда не соответствует полностью духовной модели, которую хотят воспроизвести» [21, с. 336]. Защитники такого подхода настаивают на том, что идея верховенства права должна восприниматься как действующая «метар правовая доктрина» [22, с. 151, 209] или, как предполагает Ф. Нейман, как светская, «квазиестественная правовая доктрина» [23, с. 29–31].

С другой стороны, идея верховенства права, наоборот, может способствовать поддержанию текущего положения дел и сложившихся властных отношений. В этом плане эта идея будет частью доминирующей идеологии, где основной ее целью становится не столько изменение, сколько стабилизация существующей правовой системы. Несмотря на «либеральное происхождение» идеи, на сегодняшний день она хорошо сочетается с консервативными идеологиями, поскольку в большей степени направлена на сохранение политического статус-кво в обществе. Однако в своей сущности она остается связанной и с либеральной идеей, поскольку статус-кво, который она стремится защитить, представляет собой либеральный правовой порядок, в котором власть правительства сильно ограничена, а фундаментальные права человека формально являются высшей ценностью [24, с. 54]. Таким образом, нарастание противоречий между «идеальным» и «реальным» в идее верховенства права характеризует суть ее эволюции в современных либеральных демократиях.

В качестве идеологемы верховенство права по меньшей мере выполняет три функции.

Наиболее важной и основной функцией идеологии является содействие социальной интеграции, т.е. обеспечение идентичности группы или сообщества. Что объединяет граждан в условиях верховенства права, так это признание авторитета права и уважение имеющихся политико-правовых институтов. Данная связь может быть весьма слабой, но и недооценивать ее нельзя. Среднестатистическому человеку сложно мыслить рационально, он предпочитает опираться на реакцию своей группы: религиозной, политической, этнической, по интересам и т.д. Социальная природа индивида, его стремление к общению делают одиночество ужасным, создают ощущение «отсутствия опоры». Поэтому люди в массе своей хотят быть причастными к какому-то «общему» мнению, быть на «стороне добра», на стороне верховенства права (это выражается в особой ментальности с акцентом на противостоянии «своих» и «чужих»).

В рамках рассматриваемой идеологии граждане не имеют общей конечной цели существования или четкого образа будущего в отличие от многих других идеологий, однако они привержены определенной форме организации власти, при которой закон разрешает создание и реализацию правил. Подразумевается, что в рамках права каждый человек волен прожить свою жизнь по своему собственному плану. Следовательно, верховенство права обеспечивает оправдание осуществления власти государством. Если оно действует в соответствии с требованиями верховенства права, государство уполномочено устанавливать правила и принимать меры.

Наконец, идея верховенства права может игнорировать или искажать реальное положение дел, когда она рисует ложную картину реальности. Публичная власть может, например, делать вид, что соблюдает верховенство права, в то время как на самом деле оно его подрывает. Несомненно, идея верховенства права привлекательна, но в ее «*неолиберальной*» интерпретации она потенциально опасна. В конце концов она может фактически означать презрение к праву.

Идея верховенства права иногда представляется кульминацией развития западной цивилизации, к которой приходится приспосабливаться каждому, пришедшему извне (к примеру, из исламских стран). В этом случае верховенство права используется как консервативная идеология, которая противоречит его изначальному открытому и плюралистическому характеру. Данные обстоятельства объясняются тем, что ценностные ориентации, присущие идеологии, как правило, порождают нетерпимость по отношению к иным идеалам и абсолютам [25, с. 154]. Это своего рода издержки того, что идея верховенства права стала восприниматься как догма, т.е. как набор неизменных тезисов с претензией на абсолютную истину.

С одной стороны, право является лишь передатчиком доминирующей идеологии, установленной в экономической сфере и профильтрованной через политическую сферу. Но такой подход означает, что не существует отдельной «юридической идеологии». Но все же логично было бы утверждать, что сама правовая форма нуждается в собственной своего рода «остаточной» идеологии, которая сосуществует внутри права вместе с доминирующей идеологией. «Остаточная» юридическая идеология состоит в основном из так называемых пустых означающих (в терминологии аргентинского политического философа Эрнесто Лакло, «верховенство пра-

ва» можно отнести к категории «пустых означающих» (*empty signifier*). «Пустое означающее» является своего рода «означающим без означаемого» (*signifier without a signified*). Лакло поясняет, что временное наполнение таких категорий является результатом политической конкуренции), таких как «законность», «справедливость» или «верховенство права». Ее главная цель – поддержать существование правового поля как такового и наделить его приоритетом и легитимностью по отношению к другим институциональным силам.

Развивая данный тезис, можно прийти к парадоксальным выводам, в которых «право занимает центральное место в идеологии» [26, с. 221] и «идеология занимает центральное место в праве». Это важно с точки зрения критики идеологии в правовом поле, которая должна учитывать двойственный характер взаимосвязи «идеология – право», а именно наличие общей доминирующей идеологии (идеологии в праве) и идеологии правовой формы (юридической идеологии), каждая из которых заслуживает отдельной формы критики, особенно в связи с тем, что доминирующие идеологии со временем меняются, в то время как идеология правовой формы остается [27, с. 17–40].

2. Верховенство права в психологии масс

Верховенство права в начале его истории воспринималось как состояние общества, в которое был осуществлен «переход от королевского суверенитета божественного происхождения к суверенитету национальному» [28, с. 163]. С одной стороны, институализация идеи верховенства права связана с разрушением мифических и сакральных представлений в политико-правовой сфере [29, с. 332], а с другой – в период своего триумфа эта идея обросла не меньшим количеством домислов идеалистического характера. Несмотря на то что она, как и любая другая идеология, лишь косвенно отражает адекватные знания об обществе, государстве и праве и этот недостаток восполняется разного рода верованиями, домислами, теориями и т.п., идея верховенства права все еще мобилизует сильные эмоции и мессианские чувства. Добиваясь верховенства права, народы свергали режимы, «заклейменные» диктаторскими или некомпетентными, но едва ли массы были в согласии относительно того, какие режимы должны прийти им на смену [1, с. 597]. Едва ли средне-статистический человек когда-либо мог адекватно выразить свои представления о верховенстве права, правовом государстве, гражданском обществе.

Перерождению буржуазной идеологии в мифологию способствовало широкое распространение иррационализма, который сменил рационализм (приверженность высшим ценностям) периода становления капитализма. По мнению Макса Вебера, иррациональность дает о себе знать в канун крупнейших экономических кризисов и мировых войн. Этот процесс явился идеологическим отражением изменений в социальной действительности. Уже с середины XIX в. иррационализм оказался отличительной чертой буржуазного сознания, философским выражением кризиса буржуазной идеологии [25, с. 7].

Для того чтобы политический режим мог успешно функционировать, «он сам по себе должен восприниматься гражданами как надлежащая форма правления» [30, с. 269]. «Сила» правящего меньшинства как источника социального влияния

во многом предопределена тем, как оно воспринимается окружающими. Результаты ряда исследований позволяли элитам предположить, что эта «сила» возрастает, когда поведение меньшинства расценивается как автономное и независимое [30, с. 65–79]. В случае реализации идеи «верховенства права, а не человека» властвующее меньшинство приобретает еще и свойство обезличенности.

Поэтому следует различать два разных понимания идеи верховенства права в зависимости от социального положения: верховенство права в понимании элит и в понимании остальной части населения, так как влиянию идеологии подвержены не только управляемые, но и правящие. В этом смысле каждое государство в своей деятельности само ограничено идеологией правящих классов, «а также теми идеологическими представлениями, которые настолько глубоко укоренились в сознании широких масс, что правящие круги не рискуют их игнорировать, чтобы не поставить под удар собственное господство» [9, с. 4–5].

Можно согласиться с Г. Лебоном в том, что «руководящих идей в каждой цивилизации всегда бывает очень немного» [3, с. 125], и к одной из таких, безусловно, можно отнести идею верховенства права. Однако идея влияет на поведение людей только после того, как она спустилась на уровень чувств, в «ту устойчивую и бессознательную область, где вырабатываются мотивы наших поступков» [3, с. 127]. Анализируя генезис любой идеи, Г. Лебон отмечает, что нужно, чтобы идея сначала была принята небольшим числом «апостолов», которым сила их веры или авторитет их имени дают большой престиж [3, с. 129]. К таковым можно, к примеру, отнести отцов-основателей США, иначе как можно объяснить то, что 55 состоятельных белых мужчин приняли проект Конституции с претензией на создание самого демократического государства в мире (проект Конституции США подписали только 39 делегатов)?

Если в течение долгого периода идея «выкристаллизовалась» и проникла в массы, то она образует своего рода догму – абсолютную истину, которая уже обычно никем не оспаривается. В целом для любой политической власти принципиально важно добиться активации именно инфантильных реакций и сценариев, когда сущность происходящих социально-экономических и политических процессов будет заслонять образы, мифы, симулякры. Можно согласиться с профессором Н. А. Власенко в том, что спор о том, следует ли закреплять идеологические основы (представления о долге, патриотизме, справедливости и т.д.) в нормативно-правовых актах или нет, принципиального значения не имеет, так как власть в любом случае найдет более эффективные способы внедрения «нужных» идей в массы [30, с. 55]. Во многом это связано с тем, что большинство людей принимает без критики все устоявшиеся идеи, какие им транслируют общественное мнение и воспитание [3, с. 136]. После того как идея восторжествовала в массах и вошла в область чувства, она на долгое время защищена от всяческих посягательств на нее, в том числе научного характера [3, с. 131].

Именно поэтому в идее верховенства права следует различать два аспекта. Один из них связан с рациональным познанием социального мира, различного рода теоретическими суждениями о том, как его следует усовершенствовать на тех или иных этапах истории. Другой аспект не менее ощутимый и сопряжен с теми ха-

раактеристиками, которые отражают содержание чувственной сферы бытия человека. Ограничивая когнитивные способности, эмоции также играют роль в принятии решений, производительности и общем благополучии. В этом плане идея верховенства права по своей природе включает постоянное смещение баланса между рациональными и чувственными аспектами реализации, что отражено в дихотомии понятий «верховенства права» и «верховенства закона». Если в случае с верховенством права, как правило, доминирует чувственный аспект (люди чувствуют, что так можно или нельзя поступать, прежде всего под влиянием эмоций), то в восприятии «верховенства закона» баланс смещен в сторону рационального, более критического восприятия многозначной реальности.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что идея верховенства права до сих пор предстает в структуре свободного рынка, нормах западной повестки в области прав человека или конституционном порядке, которые обычно аналогичны американской модели, она может использоваться в рамках различных идеологий и интеллектуальных парадигм, с легкостью пересекая границы между политико-правовыми теориями.

Пристатейный библиографический список

1. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 4 : Глобализации, 1945–2011 годы / пер. с англ. А. Гуськова, С. Коломийца, О. Левченко ; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. 2-е изд., испр. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
2. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : АСТ, 2023.
4. Сигеле С. Преступная толпа: опыт коллективной психологии. М. : Академический проект, 2011.
5. Фрай Т. Дефутурация: новая философия дизайна. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023.
6. Scarry E. The Body in Pain. Oxford : Oxford University Press, 2018.
7. Fisher M. Ghosts of My Life: Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures. John Hunt Publishing Limited, 2014.
8. Сырых В. М. Критика критиков марксистской теории права // Критика права : сайт. URL: https://kritikaprava.org/library/6/kritika_kritikov_marksistskoj_teorii_prava (дата обращения: 03.01.2025).
9. Идеологическая деятельность современного империалистического государства / под ред. И. Д. Левина, В. А. Туманова. М. : Наука, 1972.
10. Miller S. Cognitive Warfare: An Ethical Analysis // Ethics and Information Technology. 2023. Vol. 25. No. 3.
11. Reding D. F., Wells B. Cognitive Warfare: NATO, COVID-19 and the Impact of Emerging and Disruptive Technologies // COVID-19 Disinformation: A Multi-National, Whole of Society Perspective (Advanced Sciences and Technologies for Security Applications) / Ed. by R. Gill, R. Goolsby. Cham : Springer, 2022.

12. Куладзе А. М. Политическая мифология. М. : Эксмо, 2003.
13. McBride W. The Crisis in the Rule of Law in the Contemporary American Context: A Report // *Synthesis philosophica*. 2008. Vol. 23. No. 2.
14. Kajcsa A. The Crisis of The Rule of Law – Short Theoretical and Practical Analysis // *Juridical Current*. 2011. Vol. 14. No. 4.
15. Ioannidis M., von Bogdandy A. Systemic Deficiency in the Rule of Law: What It Is, What Has Been Done, What Can Be Done // *Common Market Law Review*. 2014. Vol. 51. Iss. 1.
16. Smith M. Staring into the Abyss: A Crisis of the Rule of Law in the EU // *European Law Journal*. 2019. Vol. 25. Iss. 6.
17. Granat K. The Parliamentary Politics of the Rule of Law Crisis in the EU // *Journal of European Integration*. 2023. Vol. 45. No. 7.
18. Tushnet M. Law as a Crisis for the Rule of Law: A Speculative Essay // *Harvard Public Law Working Paper*. 2017. No. 17-45.
19. Douzinas C. A Short History of the British Critical Legal Conference or, the Responsibility of the Critic // *Law and Critique*. 2014. Vol. 25. No. 2.
20. Rodin S., Perišin T. Transformation or Reconstitution of Europe: The European Critical Legal Studies Perspective // *The Transformation or Reconstitution of Europe: The Critical Legal Studies Perspective on the Role of the Courts in the European Union* / Ed. by S. Rodin, T. Perišin. Portland : Hart Publishing, 2018.
21. Гринберг Л. Г., Новиков А. И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л. : Наука, 1977.
22. Hayek F. The Constitution of Liberty. Chicago : University of Chicago Press, 1960.
23. Neumann F. The Change in the Function of Law in Modern Society // *The Democratic and the Authoritarian State* / Ed. by H. Marcuse. Glencoe : Free Press, 1957.
24. Klink B. van. Chapter 3: The Rule of Law: Between Ideology and Utopia // *Utopian Thinking in Law, Politics, Architecture and Technology*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022.
25. Гуревич П. С. Социальная мифология. М. : Мысль, 1983.
26. Douzinas C., Gearey A. Critical Jurisprudence: The Political Philosophy of Justice. Oxford : Hart Publishing, 2005.
27. Legal Scholarship and the Political: In Search of a New Paradigm / Ed. by A. Sulikowski, R. Mańko, J. Łakomy. Warszawa : C.H. Beck, 2020.
28. Агамбен Дж. Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011.
29. Хьюбнер К. Истина мифа. М. : Республика, 1996.
30. Хелд Д. Модели демократии / пер. с англ. М. Рудакова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
31. Власенко Н. А. Современное российское государство. Очерки. М. : Норма, 2022.

References

1. Mann M., Guskov A., Kolomiets S., Levchenko O. (trans.); Karasev D. Iu. (ed.). Sources of Social Power. In 4 vols. Vol. 4: Globalization, 1945–2011. 2nd ed. Moscow: Delo Publishing House of RANEPa, 2018. (In Russ.)

2. Fukuyama F. The End of History? *The National Interest*, 1989, no. 16.
3. Le Bon G. Psychology of Peoples and the Masses. Moscow: AST, 2023. (In Russ.)
4. Sighele S. The Criminal Crowd: An Experience of Collective Psychology. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011. (In Russ.)
5. Fry T. Defuturation: A New Philosophy of Design. Moscow: Delo Publishing House of RANEPa, 2023. (In Russ.)
6. Scarry E. The Body in Pain. Oxford: Oxford University Press, 2018.
7. Fisher M. Ghosts of My Life: Writings on Depression, Hauntology, and Lost Futures. John Hunt Publishing Limited, 2014.
8. Syrykh V. M. Critique of Critics of the Marxist Theory of Law. URL: https://kritika.prava.org/library/6/kritika_kritikov_marksistskoj_teorii_prava (date of the application: 03.01.2025). (In Russ.)
9. Levin I. D., Tumanov V. A. (eds.). Ideological Activity of the Modern Imperialist State. Moscow: Nauka, 1972. (In Russ.)
10. Miller S. Cognitive Warfare: An Ethical Analysis. *Ethics and Information Technology*, 2023, vol. 25, no. 3.
11. Reding D. F., Wells B. Cognitive Warfare: NATO, COVID-19 and the Impact of Emerging and Disruptive Technologies. In Gill R., Goolsby R. (eds.). COVID-19 Disinformation: A Multi-National, Whole of Society Perspective (Advanced Sciences and Technologies for Security Applications). Cham: Springer, 2022.
12. Kuladze A. M. Political Mythology. Moscow: Eksmo, 2003. (In Russ.)
13. McBride W. The Crisis in the Rule of Law in the Contemporary American Context: A Report. *Synthesis philosophica*, 2008, vol. 23, no. 2.
14. Kajcsa A. The Crisis of The Rule of Law – Short Theoretical and Practical Analysis. *Juridical Current*, 2011, vol. 14, no. 4.
15. Ioannidis M., von Bogdandy A. Systemic Deficiency in the Rule of Law: What It Is, What Has Been Done, What Can Be Done. *Common Market Law Review*, 2014, vol. 51, iss. 1.
16. Smith M. Staring into the Abyss: A Crisis of the Rule of Law in the EU. *European Law Journal*, 2019, vol. 25, iss. 6.
17. Granat K. The Parliamentary Politics of the Rule of Law Crisis in the EU. *Journal of European Integration*, 2023, vol. 45, no. 7.
18. Tushnet M. Law as a Crisis for the Rule of Law: A Speculative Essay. Harvard Public Law Working Paper, 2017, no. 17-45.
19. Douzinas S. A Short History of the British Critical Legal Conference or, the Responsibility of the Critic. *Law and Critique*, 2014, vol. 25, no. 2.
20. Rodin S., Perišin T. Transformation or Reconstitution of Europe: The European Critical Legal Studies Perspective. In Rodin S., Perišin T. (eds.). The Transformation or Reconstitution of Europe: The Critical Legal Studies Perspective on the Role of the Courts in the European Union. Portland: Hart Publishing, 2018.
21. Grinberg L. G., Novikov A. I. Criticism of Modern Bourgeois Concepts of Justice. Leningrad: Nauka, 1977. (In Russ.)
22. Hayek F. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

23. *Neumann F.* The Change in the Function of Law in Modern Society. In *Marcuse H. (ed.)*. The Democratic and the Authoritarian State. Glencoe: Free Press, 1957.
24. *Klink B. van.* Chapter 3: The Rule of Law: Between Ideology and Utopia. In *Utopian Thinking in Law, Politics, Architecture and Technology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022.
25. *Gurevich P. S.* Social Mythology. Moscow: Mysl, 1983. (In Russ.)
26. *Douzinis C., Gearey A.* Critical Jurisprudence: The Political Philosophy of Justice. Oxford: Hart Publishing, 2005.
27. *Sulikowski A., Mańko R., Łakomy J. (eds.)*. Legal Scholarship and the Political: In Search of a New Paradigm. Warsaw: C.H. Beck, 2020.
28. *Agamben J.* Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life. Moscow: Evropa, 2011. (In Russ.)
29. *Hübner K.* The Truth of Myth. Moscow: Respublika, 1996. (In Russ.)
30. *Held D.; Rudakov M. (trans.)*. Models of Democracy. Moscow: Delo Publishing House of RANEPa, 2014. (In Russ.)
31. *Vlasenko N. A.* The Modern Russian State. Essays. Moscow: Norma, 2022. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Р. М. Аллалыев – кандидат юридических наук.

Information about author:

R. M. Allalyev – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 03.02.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 06.10.2025.